

— Кх!.. — Лингуана грубо прижали к алтарному столу.

Дерзкий и высокомерный красавец теперь лежал ничком перед поминальной дощечкой. Чужие пальцы впились в его плечи, а тяжелая ладонь сдавила затылок, едва не ломая шею.

Поморщившись от боли, Лингуан тем не менее лишь небрежно усмехнулся.

— Отпусти, — бросил он легкомысленно. — Я обещал выйти в ночной дозор. Не мешай.

В его тоне сквозило такое безразличие, словно Е Линя для него вовсе не существовало.

Е Линь безучастно смотрел на него сверху вниз. Лингуан полулежал на столе; его алые волосы огненным водопадом рассыпались по лопаткам, сползая на темное дерево. Из-под растрепанной челки не было видно глаз, и лишь чувственные губы продолжали дразняще изгибаться в улыбке.

До чего же чертовски красиво он улыбался.

«Хочу его убить», — подумал Е Линь.

Властелин апокалипсиса, не знавший отказов, не отличался кротким нравом. Еще секунду назад он порывался угодить Лингуану, а теперь желал лишь одного: заживо содрать с него кожу, раздробить кости и сожрать без остатка.

Нечеловеческая сила Е Линя налила его пальцы свинцом, когда он сдавил горло пленника.

Он вел себя как капризный ребенок, заприметивший драгоценный нефрит. Ему не жаль было отдать за него любые сокровища, лишь бы вцепиться в него мертвой хваткой. Но если бы эту игрушку посмел забрать кто-то другой, он бы без колебаний разбил ее вдребезги.

И все же, глядя на то, как алые пряди скрывают пленительный разрез глаз бога, Е Линь невольно потянулся к нему — ему отчаянно хотелось убрать мешающие волосы и заглянуть в эту глубину.

Перехватив его за горло, он заставил Лингуана запрокинуть голову. Сквозь путаницу волос влажно блеснули глаза феникса. Вот только смотрели они мимо Е Линя — прямо на холодную поминальную дощечку. А на губах застыла нежная, ласковая улыбка, которой похититель никогда удостоен не был.

Тонкие пальцы Лингуана бережно коснулись вырезанных на дереве иероглифов.

— Все хорошо, — прошептал он тихо, словно баюкая. — Я быстро со всем разберусь.

Так ласково успокаивают любимых.

Мертвеца.

От этой картины Е Линь едва не лишился рассудка. Глаза заволокло багровой пеленой ярости, пальцы сомкнулись плотнее, перекрывая кислород.

В горле заклокотал удушливый хрип. Запрокинутая голова затекла, причиняя неудобство. Нахмурившись, Лингуан без видимого труда перехватил и отжал руку мучителя.

— Хватит, — раздраженно цыкнул он. — Пусти.

Е Линь даже не шелохнулся. Лингуан лишь слегка повернул голову и досадливо поморщился.

Устраивать безобразную сцену на глазах у покойного супруга не хотелось, однако время поджимало — они договорились с Сюань Юнем встретиться перед дозором, и Лингуан уже опаздывал.

К тому же наглость Е Линя переходила все границы.

Растущее недовольство сковало голос льдом. Лингуан жестко стиснул запястье соперника, и в глубине его зрачков вспыхнул потусторонний, чуждый всему живому холод.

— Пусти меня.

Е Линь не сводил с него потемневших глаз. В голове его зрел безумный замысел, а на тыльной стороне ладони уродливыми змеями вздулись вены. Пальцы сжимались все сильнее.

Прежде чем Лингуан успел вспыхнуть гневом, Е Линь хищно подался вперед и вонзился зубами в его шею.словно изголодавшийся пес, он с безумным остервенением рвал нежную кожу, пока под челюстями не брызнула горячая кровь и не обнажилась кость. Из его груди вырвался утробный звериный рык — лишь малая часть той пугающей бездны собственничества, что пожирала его изнутри.

Напирая всем телом, он оттеснил бога назад, заставляя отвернуться от ненавистой дощечки. Лишая его даже призрачной возможности коснуться ее, он грубо переплел свои пальцы с его — жестко, властно, отменяя любые попытки сопротивления.

Безумие этого человека не знало пределов.

На мгновение Лингуану показалось, что тот действительно перегрызет ему артерию.

В ответ Лингуан вонзил пальцы прямо в грудь Е Линя, разрывая плоть и подбираясь к самому сердцу.

Одно резкое движение, еще одно усилие — и все кончится.

В этой схватке выживет лишь один: либо у Лингуана окажется разорвано горло, либо Е Линь падет замертво с вырванным сердцем.

По телу разливался холод кровопотери, горячая влага струилась по пальцам. Зрачки Лингуана сузились в вертикальные звериные щелки, полыхнув первобытным золотом, а от уголков глаз к воротнику поползли огненные всполохи божественных узоров, обжигая кожу.

«Кажется, я увлекся», — пронеслось в мыслях.

Азарт битвы слишком сильно пьянил кровь.

Лингуан даже не заметил, как запылал в глубине его сознания уцелевший контракт спутников дао. Дрожь сотрясла его тело и душу. Схватив Е Линя за волосы, он с яростной силой обрушил свой разум на его ментальные барьеры.

Словно исполинский клинок, раскалывающий небеса, или поток раскаленной лавы, его духовная энергия ворвалась в разум противника. Жгучая боль пролилась огненным ливнем на иссушенные, бесплодные земли сознания Е Линя.

Е Линь болезненно скривился, но все же поднял голову. Его губы были залиты алой кровью.

Он медленно облизал их, размазывая багровые пятна, отчего его смертельно бледное лицо приобрело пугающе красивый, зловещий вид.

Ментальное пламя Лингуана продолжало бушевать, выжигая изнутри все живое и причиняя невыносимые муки.

Это было недвусмысленным предупреждением: знай меру.

Вопреки всему, на лице Е Линя проступило подобие усмешки.

Будь на месте Лингуана обычные игроки, знавшие Е Линя по смертельным испытаниям, они бы уже мчались прочь, парализованные первобытным ужасом.

Но бог не ведал страха. Он лишь заворожено наблюдал, как это порочное лицо приближается к нему. Чужие пальцы скользнули к его уху, принимаясь то ласково, то грубо поглаживать мочку.

Острая игла внезапно пронзила плоть. Лингуан вздрогнул от неожиданной боли, и его ментальное поле на миг заколебалось. Крупные рубиновые капли медленно потекли по белоснежной шее.

Он попытался отвернуться, улавливая лишь тихий, вкрадчивый звон колышущихся подвесок. Жгучая пульсация в проколоте ухе никак не унималась.

Крупная дрожь сотрясала его плечи.

Изящная серьга из молочно-белого нефрита с длинными серебряными нитями тихонько позванивала в такт этой дрожи.

Подарок.

И одновременно — наказание.

Стоило Е Линю слегка потянуть за украшение, как Лингуана вновь пронзила резкая боль.

Он никогда не был неженкой. За тысячелетнюю историю Земного Альянса сменились десятки человеческих маршалов, но две великие звезды расы Яо оставались неизблемыми — и именно Лингуан когда-то завоевал для людей половину галактики.

Однако уязвимость раненой плоти была совсем иной. Внезапное вторжение испугало его сильнее самой боли, заставив длинные ресницы обиженно затрепетать.

Несчастный юный вдовец теперь мог лишь бессильно прислоняться к алтарному столу, не замечая, как повалившаяся поминальная табличка покойного мужа скользнула прямо к его пальцам.

Он судорожно хватал ртом воздух, подставив чужим поцелуям истерзанную шею, а уголки его покрасневших глаз влажно поблескивали от непролитых слез.

<http://bllate.org/book/20308/2122201>